

ОГЛАВЛЕНИЕ

Жизнь всякой выдумки странней (Перевод Е. Токарева)	3
Роковой выстрел (Перевод Е. Токарева)	15
Пастор ущелья Джекмана (Перевод Е. Токарева) ..	64
Литературная мозаика (Перевод Н. Дехтеревой) ...	87
Глас науки (Перевод Е. Токарева)	116
Хозяин Черного замка (Перевод Е. Токарева)	127
Бразильский кот (Перевод Е. Токарева)	145
Новые катакомбы (Перевод Е. Токарева)	175
Охотник за жуками (Перевод Е. Токарева)	197
Лисий король (Перевод Е. Токарева)	221
Иудейский наперсник (Перевод В. Воронина)	240
Школьный учитель (Перевод Н. Дехтеревой)	272
Игра с огнем (Перевод Ю. Жуковой)	296
Зеркало в серебряной оправе (Перевод Е. Токарева)	319
Сквозь завесу (Перевод Е. Токарева)	335
Комната кошмаров (Перевод В. Воронина)	343
Соприкосновение (Перевод Е. Токарева)	355
Подъемник (Перевод Е. Токарева)	365

ЖИЗНЬ ВСЯКОЙ ВЫДУМКИ СТРАННЕЙ¹

Оглядываясь на прожитые годы в поисках чего-то особенно странного, наиболее ясно представляешь это странное отнюдь не в материальных проявлениях. Мне посчастливилось прожить наполненную приключениями жизнь и посетить необычные уголки мира при весьма интересных обстоятельствах. Я стал свидетелем двух войн. У меня была самая удивительная профессия. Я объехал мир от севера Гренландии и Шпицбергена до Западной Африки и могу припомнить множество бурь и опасностей, китов и медведей, акул и змей — всего того, что интересовало меня в школьные годы. Однако все, что я мог бы сказать об этих явлениях, уже сказано другими с куда большим опытом и авторитетностью. Когда вы внимательно приглядываетесь к тонкой работе своего ума и духа, к необычным представлениям, к странным происшествиям и тем необъяснимым вещам, что внезапно оказываются на поверхности и тут же исчезают, к невероятным совпаде-

¹ Перевод Е. Токарева.

ниям, к жизненным ситуациям, которые должны были бы завершиться определенным образом, но оканчиваются иначе или не оканчиваются вовсе, уходя в забвение в обрывках таинственности вместо аккуратного узелка, завязанного искусственным романистом, — все это, говорю я вам, может показаться куда более странным, чем любой вымысел.

Самые замечательные переживания человека — те, которые он прочувствовал наиболее ярко и глубоко и о которых менее всего расположен распространяться. По-настоящему серьезные происшествия моей жизни, глубоко врезавшиеся в память и оставившие там неизгладимый след, — это те, о которых я бы никогда не решился рассказать. И все же именно в этих сугубо личных и глубоких переживаниях ощущаешь воздействие неуловимых и непонятных сил, побуждающих и направляющих, которые и являются глубинными проявлениями бытия. Лично я всегда осознавал скрытые возможности человеческого духа и прямое вмешательство в жизнь человека внешних сил, влияющих на наши поступки и управляющих ими. Обычно они слишком незаметны, чтобы дать им определение, но иногда проявляются столь ярко, что не заметить их нельзя.

Приведу в высшей степени наглядный пример, о котором я говорил ранее, хоть он и может показаться неким пересказом, поскольку наиболее ярко иллюстрирует вышеизложенное. В тысяча восемьсот девяносто втором году я путешествовал по Швейцарии, и мне довелось проезжать через перевал Гемми. На самой вершине располагалась оди-

нокая гостиница, которая смотрела вниз на густонаселенные долины по обеим сторонам горы, но сама в зимний период была отрезана от них. Я предположил, что там никто не живет, но после расспросов узнал, что это не так. Обитавшая в ней семья запасалась продуктами на несколько месяцев и оставалась в полной изоляции от внешнего мира. Своеобразие этой ситуации привлекло мое внимание, и в голове у меня сразу же стал складываться рассказ, в котором я описывал отчаянное положение людей, враждебных и агрессивных по отношению друг к другу, которым некуда было деться, и они неминуемо приближались к ужасной трагедии, в то время как внизу, в долине, золотыми огнями переливалась счастливая человеческая жизнь. Эти мысли по-прежнему роились у меня в мозгу, постепенно складываясь в странную форму полубессознательного остова сюжета, когда я на обратную дорогу во Францию купил книгу Мопассана. Раньше я ее точно не читал. Первый рассказ назывался «Гостиница» и представлял собой мой замысел, уже доведенный до совершенства рукою мастера! В нем фигурировали та же гостиница, перевал Гемми, зима, группа людей — весь набор. Присутствовал еще огромный пес, до которого я не додумался. Остальное было в точности по моему замыслу, который бы я, несомненно, перенес на бумагу и опубликовал как свое собственное творение, если бы не счастливое стечение обстоятельств. Но была ли это случайность? То, что Мопассан мог проезжать той же дорогой и одинокая гостиница породила в его жи-

вом воображении те же события, — вполне могло быть. Но что я в те несколько дней между зарождением сюжета и его реализацией купил именно эту книгу, которая спасла меня от попадания в дурацкое положение, — могло ли это быть совпадением или же это был результат благого влияния извне, спасшего меня от подобной ошибки?

Будь то совпадение или руководство — это явилось проявлением того, что страннее всякого вымысла.

Однако же я хочу признать, что и без всякого внешнего воздействия, если только это не зловредные проделки некоего шаловливого эльфа, в жизни и вправду случаются самые невероятные совпадения, которые и придумать-то не посмеешь. Вот вам случай в доказательство.

Поскольку я в разное время писал детективные рассказы, некоторые простодушные люди были склонны отождествлять меня с моим героем и призывать на помощь, когда оказывались в бедственном положении. Однажды мне даже вручили незаполненный чек, в который я мог вписать любую сумму, если бы взялся за дело. Так и оставшийся чистым бланк, вероятно, передавал всю ценность того, что я мог предложить взамен. Однако не без самодовольства могу заявить, что в полдюжине дел, за которые я брался из сострадания или любопытства, я всегда находил решение. В одном известном деле я, однако, стал жертвой необычайного совпадения, о котором упоминал. В связи с преступлением я заподозрил некое семейство — назовем его Уайлдер, — пусть

не обязательно в прямом в нем участии, но в том, что оно многое о нем знало. Насколько мне стало известно, один из членов этого семейства за несколько лет до этого уехал в Калифорнию. Его звали Джон, по профессии он был архитектором. Вскоре из калифорнийского городка, который я назову Сент-Анна, я начал получать письма, связанные с моим расследованием, поля которых были покрыты отборными ругательствами и проклятиями. В одном из таких посланий содержался обратный адрес. Я тотчас же написал начальнику полиции этого городка, указал адрес и попросил сообщить мне, проживает ли там некий архитектор Джон Уайлдер, недавно приехавший из Англии. Он ответил, что таковой имеется. Сейчас вы наверняка подумаете, что тут и делу конец: чисто дедуктивным методом я узнал имя и род занятий человека, живущего от меня за шесть тысяч миль. Я был убежден в правильности своих выкладок и уведомил о результатах британскую полицию. Возможно ли поверить, что несколько недель спустя из полиции пришел ответ, гласивший, что они расследовали это дело: имело место совпадение и означенный Джон Уайлдер совсем не тот, кого я разыскивал?

Безумные письма мне слал хорошо известный в городке религиозный маньяк, проживавший в том же пансионе. Он был американцем и, разумеется, не имел к преступлению ни малейшего отношения, но я и теперь не понимаю, каким образом он заинтересовался этим делом, если только рядом с ним не было англичанина, кото-

рый мог бы посвятить его в детали. Мне, разумеется, остается лишь признать правоту полиции и согласиться с тем, что я стал жертвой совпадения, которое, конечно же, не использую в своих сочинениях.

Самые странные происшествия случаются в сумеречной стране, где встречаются дух и материя. Иногда они почти ничтожны и бессмысленны, однако указывают на значительные последствия. Помню, однажды в Риме мы с женой шли по Пинчо¹. Раньше она никогда не бывала в Вечном городе и ничего о нем не читала. Был первый день нашей поездки. Вдруг она как-то рассеянно проговорила:

— Здесь есть статуя Данте.

Через несколько мгновений мы подошли к скрытой за кустарником статуе, и я спросил:

— Откуда ты узнала?

— Понятия не имею. Просто знала, — ответила она.

Это был ничего не значащий, тривиальный случай, однако может ли наука дать ему объяснение?

Я тридцать лет изучал оккультные науки, и мне кажутся странными уверенные заявления, по большей части негативные, сделанные по этому предмету людьми, которые всерьез никогда над ним и не задумывались. Здесь не время и не место высказывать свое мнение, которое все же является точкой зрения скорее ученика, нежели

¹ Холм в Риме. — *Здесь и далее прим. ред.*

догматика. Однако у меня есть опыт наблюдения одного-двух событий, которые несколько выходят за рамки обычного или очевидного, а также того, что можно считать правдоподобным в беллетристике. В одном из таких случаев я, похоже, очень близко соприкоснулся с чем-то поразительным, если только это не было совместным влиянием обмана и совпадения.

Я тогда жил в деревне и свел знакомство с тамошним доктором. Он был мал ростом, и практика у него тоже была невелика, так что он едва сводил концы с концами. Доктор этот изучал оккультные науки, и мое любопытство обострилось от того, что в его доме была комната, куда не входил никто, кроме него, поскольку она служила для мистики и философских размышлений. Узнав, что меня интересуют те же предметы, доктор Браун — назову его так — однажды предложил, чтобы я вступил в тайное общество изучающих оккультизм. Приглашение предварялось огромным количеством подготовительных расспросов. Разговор у нас получился примерно такой:

- Что мне это может дать?
- Со временем вы обретете силу.
- Какую?
- Силу, которую люди называют сверхъестественной. Она совершенно естественна, но дается лишь тем, кто познал глубокие тайны Природы.
- Если эта сила добрая, то почему ею не обладают все?
- В дурных руках она может быть употреблена во зло.

— А как можно предотвратить ее попадание в дурные руки?

— Тщательно экзаменуя вновь посвященных.

— Меня тоже нужно будет экзаменовать?

— Разумеется.

— И кто это сделает?

— Эти люди живут в Лондоне.

— Мне нужно будет поехать к ним?

— Нет, нет, они сделают все так, что вы и не узнаете.

— А потом?

— А потом вам нужно будет учиться.

— Учиться чему?

— Вам придется выучить наизусть большое количество материала. Это для начала.

— Если этот материал печатный, почему не сделать его общедоступным?

— Он не печатный. Он в рукописи. Каждая рукопись тщательно пронумерована и дается под честное слово каждому выдержавшему экзамен. Не было случая, чтобы кто-то отступился.

— Хорошо, — сказал я, — все это очень интересно, можете продолжать, что бы это ни значило.

Некоторое время спустя — возможно, через неделю — я проснулся очень рано от странного ощущения. Это был не кошмар и не причудливый сон. Совсем наоборот, поскольку ощущение не уходило и после того, как я окончательно пробудился. Могу описать его лишь как то, что меня всего как бы покалывало. Больно не было, но я ощущал какой-то странный дискомфорт, словно

после легкого удара током. Я сразу же подумал о докторе.

Через несколько дней он навестил меня.

— Вас проэкзаменовали, и вы выдержали испытание, — сказал он с улыбкой. — Теперь вы должны сказать определенно, продолжите ли вы обучение. Нельзя просто начать, а потом бросить. Это дело серьезное, и необходимо или оставить попытки, или отдаться обучению всей душой.

До меня начало доходить, что дело и вправду серьезное, настолько серьезное, что ему вряд ли найдется место в моей донельзя насыщенной делами и заботами жизни. Я так и сказал, и доктор воспринял это очень спокойно.

— Очень хорошо, — сказал он, — не будем больше об этом говорить, пока вы сами не передумаете.

У этой истории было продолжение. Пару месяцев спустя во время проливного дождя ко мне заехал доктор со своим коллегой, чье имя было мне знакомо в связи с изучением тропических стран. Они сели у камина в моем кабинете, у нас завязался разговор. Нельзя было не заметить, что такой известный путешественник весьма почтительно вел себя с обычным сельским врачом, да еще и младшим по возрасту.

— Это один из моих посвященных, — сообщил мне доктор. — Знаете, — продолжил он, обращаясь к своему спутнику, — Дойл в свое время почти было присоединился к нам.

Путешественник с большим интересом посмотрел на меня и тотчас завел со своим учителем раз-

говор о виденных им и, насколько я понял, им же и сотворенных, чудесах. Я, пораженный, слушал. Разговор напоминал диалог двух сумасшедших. Одна фраза особенно врезалась мне в память.

— Когда вы впервые взяли меня с собой, — сказал он, — и мы парили над городом в Центральной Африке, где я когда-то жил, я впервые смог увидеть острова на озере. Я всегда знал, что они там есть, но они были слишком далеко, чтобы увидеть их с берега. Разве не удивительно, что я впервые увидел их, живя в Англии?

Звучали и другие, не менее замечательные фразы. «Заговор с целью произвести впечатление на простачка», — скажет скептик. Оставим это как есть, если того желает скептик, но у меня создалось впечатление, что я столкнулся с чем-то необычайным. Это один из тех рассказов с оборванным, скомканным концом, которых терпеть не могут редакторы.

Был еще один курьезный случай, о котором стоит упомянуть. Как-то раз я вызвался переночевать в доме с привидениями в Дорсетшире. Со мной отправились еще два «испытателя». Мы составили депутацию от Общества психиатров, в котором, кстати сказать, я состою чуть ли не со дня его основания. Нам пришлось долго ехать поездом из Лондона, чтобы услышать беспорядочные докучливые звуки, сделавшие невыносимой жизнь обитателей дома, которые были связаны договором аренды и не могли переехать в другое жилье. Мы просидели там, бодрствуя, две ночи. В первую ночь ничего не произошло. На

вторую один наш товарищ уехал, и мы остались вдвоем с ныне покойным доктором Подмором, известным исследователем подобных явлений. Конечно же мы приняли все меры для предотвращения обмана, натянули шерстяные нити через лестницы и тому подобное.

Посреди ночи раздался жуткий грохот, словно кто-то колотил дубиной по столу. Это никоим образом не было случайным поскрипыванием половиц или мебели, это был оглушительный шум. Мы распахнули все двери и тотчас бросились в кухню, откуда явно раздавался грохот. Там все было в порядке: двери заперты, на окнах решетки, нити не тронуты. Подмор унес свечу, создав видимость, что мы оба вернулись в гостиную, в то время как я остался ждать в темноте, не повторится ли происшествие. Ровным счетом ничего не произошло. Чем был вызван шум, мы так и не узнали. Он был той же природы, что и другие происшествия, о которых мы читали, но менее продолжительным. На этом история не закончилась. Через несколько лет дом сгорел дотла, что, вероятно, имело отношение к живущему в нем призраку, а может, и не имело. Куда более убедительным был раскопанный в саду скелет ребенка лет десяти. О нем мне рассказал родственник пострадавшего семейства.

Полагали, что там был умерщвлен ребенок и случившиеся после этого происшествия, с одним из которых мы столкнулись, стали следствием трагедии. Существует теория, что внезапно и насильственно оборванная молодая жизнь может оставить после себя запас неизрасходованной

энергии, которая способна проявляться самым причудливым образом. Но тут мы снова попадаем в область фактов, более странных, чем вымысел. Незведанное и чудесное обступает нас со всех сторон. Оно витает над нами и вокруг нас смутными и неясными образами, порой темными, порой мерцающими, но всегда напоминающими об ограниченности того, что мы называем материей, и о потребности в духовном, если мы хотим сохранить связь с истинными, глубинными явлениями жизни.

РОКОВОЙ ВЫСТРЕЛ¹

Внимание! Настоящим предостерегаем общественность от субъекта, именующего себя Октавием Гастером. Его можно узнать по высокому росту, белокурым волосам, глубокому шраму на левой щеке, идущему от глаза к уголку рта. Имеет пристрастие к ярким цветам — зеленым галстукам и т. п., — что поможет его опознать. В его речи слышен легкий иностранный акцент. Этот человек неуязвим для закона, однако он опаснее бешеной собаки. Остерегайтесь его, как остерегаются проклятого, разгуливающего среди бела дня. Любые сообщения о его местопребывании будут с благодарностью приняты г-ном А.К.У., Линкольнс-Инн, Лондон.

Это копия объявления, которое, возможно, было замечено многими читателями в лондонских утренних газетах в начале текущего года. Полагаю, что в определенных кругах оно вызвало значительное любопытство, и было высказано множество догадок касательно личности Октавия

¹ Перевод Е. Токарева.

Гастера и существа выдвинутых против него обвинений. Когда я заявляю, что предостережение было опубликовано по моей просьбе моим братом, адвокатом Артуром Купером Ундервудом, следует помнить, что я более других имею право дать авторитетные разъяснения.

До настоящего времени мои ужасные и смутные подозрения в сочетании с горем от утраты любимого человека накануне нашей свадьбы не позволяли мне изложить события минувшего августа никому, кроме моего брата. Однако теперь, оглядываясь назад, я могу свести воедино множество неприметных фактов, складывающихся в цепочку доказательств, пусть недостаточных для суда, но все же способных оказать некое влияние на общественное мнение.

Поэтому я изложу без преувеличений и страстей все произошедшее с того дня, как этот человек, Октавий Гастер, появился в Тойнби-Холле, и до большого состязания по стрельбе из винтовки. Мне известно, что многие высмеивают сверхъестественное или то, что наши скудные умы к нему относят. Я также знаю, что моя принадлежность к женскому полу будет воспринята как фактор, понижающий ценность моих свидетельств. Могу лишь заявить, что никогда не была слабоумной или слишком впечатлительной и что многие люди придерживаются об Октавии Гастере такого же мнения, что и я.

Теперь перейдем к фактам. Все началось в доме полковника Пиллара в Роборо, в очаровательном графстве Девон, где мы проводили начало осени.